

Петр Дмитриевич Боборыкин

Проездом

П о в е с т ь

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#).

I

- Когда поставлен этот памятник? - спросил барин, сильно за сорок лет, в светлом пальто, у стоявшего с ним молоденького студента в сюртуке, в очках, по всем признакам, только что надевшего форму.

- Который? - переспросил его студент и застенчиво оправил очки.

- Да вот! - и барин указал на [памятник](#) Ломоносова через решетку двора нового университета на Моховой.

- Не могу вам сказать.

Студентик неловко взял вбок и удалился торопливою походкой.

"Хорош, - подумал барин, - этого не знает даже".

Да и памятник вызвал в нем пренебрежительное движение тонких, бескровных губ.

Вадим Петрович Стягин был дурен собою: сухое тело, сутуловатость при очень большом росте, узкое лицо с извилистым длинным носом, непомерно длинные руки, шершавая, с проседью, борода и желтоватые глаза, обведенные красными веками.

Одевался он по-заграничному, носил высокую цилиндрическую шляпу, белый [фуляр](#) на шее, светлое, английского покроя пальто и башмаки с гетрами на толстых подошвах. Он упирался на палку с серебряным матовым набалдашником.

Теперь он шел домой, на Покровку. Сейчас заходил в [Румянцевский музей](#), так, от безделья, - не отыскал ни переулка, ни даже дома, где, по его соображению, должен был проживать его приятель и товарищ по университету Лебедев.

На памятник Ломоносова Стягин посмотрел еще, пристально и с оттянутой книзу губой, - мина, являвшаяся у него часто.

"Это полуштоф какой-то! - мысленно выговорил он. - Что за пьедестал! Настоящий полуштоф с пробкой... Точно в память того, что российский гений сильно выпивал!..."

Недобрая усмешка искривила рот Стягина, и он пошел развихленной походкой, гнулся на ходу и начал вертеть палкой.

Стоял чудесный сентябрьский день после дождливого, холодного времени, захватившего Стягина на железной дороге.

Несмотря на погоду, Вадим Петрович чувствовал в ногах какое-то необычное жжение и колотье, которые мешали ему идти скорее.

Вообще он был в брезгливо-раздражительном настроении. Эта Москва и сердила, и подавляла его. Он попал сюда по пути в деревню из-за границы, где проживал - с редкими возвращениями в Россию - почти всю свою жизнь, с молодых годов, с той эпохи, как кончил курс в Московском университете.

Никогда еще, попадая сюда, не испытывал он такого брезгливо-раздраженного чувства к этому городу, ко всему своему, "руссопётскому", как он выражался и вслух, и про себя.

Он приехал "ликвидировать", продать свой дом на Покровке, стоявший второй год без жильцов, продать имение, в крайнем случае, сдать его в аренду.

Надо будет ехать в имение, если он поладит с одним из арендаторов. Все это скучно, несносно и его поддерживает только то, что, так или иначе, он покончит, и тогда всякая связь с Россией будет порвана, никакого повода возвращаться домой... Надоело ему выше всякой меры дрожать за падение курса русских бумажек. Один год получишь пятьдесят тысяч франков, а другой и сорока не выйдет... Свободные деньги он давно перевел за границу, купил иностранных бумаг и полегоньку играет ими на парижской бирже.

В Париже у него годовая квартира, особняк с садиком, в Пасси. Он держит свою кухарку и [грума](#), ездит верхом на собственной лошади, выписанной из России, потому что у нас они втрое дешевле.

Он не холостой и не женатый, живет на два дома; но вот, после ликвидации своих дел, можно будет построить свой собственный коттедж в окрестностях Парижа и зажить домком, покончить с своею полухолостой жизнью...

Но когда это будет?... В России все так тянется, кредиту нет, денег нет, всякие сделки с ужасными проволочками.